

Сергей Патрушев

*Черновик
Преступления*

Сергей Патрушев

Черновик Преступления

«Автор»

2026

Патрушев С.

Черновик Преступления / С. Патрушев — «Автор», 2026

Алиса Вернер, студентка филфака с феноменальной памятью и привычкой записывать всё в блокнот, находит в библиотечном учебнике по криминалистике забытый кем-то листок. Обрывочные фразы о времени, месте и способе убийства кажутся ей дурной шуткой до тех пор, пока вечером она не видит из окна, как незнакомец закапывает что-то в университетском парке. Так начинается её погружение в мир, где реальность подчиняется чужому замыслу. Вскоре выясняется: в кампусе уже двадцать лет кто-то «репетирует» преступления, превращая жизнь в черновик романа, который воплощается наяву. Исчезновение профессора, инсценировка похищения на глазах у безмолвной толпы, таинственный человек в сером шарфе, подброшенные улики — всё это части одной системы, где каждый ход просчитан, а сама Алиса становится персонажем, назначенным на роль главной героини. Психологический детектив с элементами триллера о границе между вымыслом и реальностью, о цене наблюдения и о том, кто дописывает последнюю страницу.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Библиотека не принимает возврат	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Черновик Преступления

Глава 1. Библиотека не принимает возврат

За высокими окнами читального зала библиотеки сгущались сумерки. Днём окна пропускали много солнца и пылинки танцевали в его лучах. Теперь всё изменилось. Октябрьский вечер вступал в свои права. Стекла в окнах были старыми. На них виднелись едва заметные разводы. Внутри стекла застыли крошечные пузырьки воздуха. Эти стекла помнили ещё те времена, когда здание университета только строили из красного кирпича и серого гранита. Сейчас окна стали похожи на мутные зеркала. В них отражались длинные ряды ламп дневного света. Свет от ламп был холодный и безжизненный.

Ещё в окнах отражались силуэты людей. Они сидели за столами, склонив головы. Это были последние посетители. Самые упорные. Они не ушли домой даже в такой поздний час. Большинство студентов уже давно разошлись. Кто-то ушел в общежитие. Кто-то в съемную квартиру. Кто-то в уютную кофейню. Там можно было выдохнуть после трудного дня. Можно было заказать горячий напиток. Можно было забыть про конспекты и курсовые. Но сессия все равно надвигалась на всех. Она была как грозовая туча на горизонте. И не важно было, на каком ты факультете и как хорошо учишься.

Алиса Вернер сидела в самом дальнем углу зала. Она всегда выбирала это место. Так было каждый раз, когда она приходила заниматься. Стол был массивный и деревянный. Его поверхность пострадала от многих поколений студентов. На столешнице были глубокие борозды от ручек и циркулей. Кто-то оставил выжженные круги от горячих чашек с чаем. Кто-то выцарапал свои инициалы перочинным ножом. Возможно, это было сделано в порыве любовной тоски. Или от отчаяния перед экзаменом. С внутренней стороны столешницы были нацарапаны откровенные признания. Библиотекари туда не заглядывали.

Алиса смотрела на раскрытую страницу. Но она не видела ни одной строчки. Слова не доходили до ее сознания. Она очень устала. Шесть часов она провела в университетском архиве. Утром были две лекции по структурализму. Мысли Алисы были далеко от этого зала. Они были далеко от самого здания университета. Вся академическая рутина навалилась на нее с новой силой. Семестр дошел до своей середины. Теперь от студентов требовалось не просто внимание. Нужна была полная мобилизация всех сил. И умственных, и физических. Алиса чувствовала, что выдыхается.

Перед ней лежал учебник. Это был учебник по криминалистике. Алиса взяла его по чистой случайности. Это была почти нелепая ошибка. Ей нужна была хрестоматия по зарубежной литературе девятнадцатого века. Но библиотечный шифр на корешке почти совпадал с нужным. Алиса была так погружена в свои мысли, что не прочитала название. Она просто сняла книгу с полки и ушла. Теперь учебник лежал перед ней раскрытым. Это была глава о судебно-медицинской экспертизе. Там рассказывалось о следах на месте преступления. Глаза Алисы скользили по ровным колонкам текста.

Она читала про strangulation борозду. Про трупные пятна. Про особенности посмертного окоченения. Она никогда не хотела знать этих вещей. Но ее память была цепкой и тренированной. Однажды прочитанное уже не желало уходить из головы. Вдруг взгляд

Алисы зацепился за что-то странное. Это было инородное вложение. Оно не принадлежало типографскому набору. Что-то торчало между пожелтевшими страницами. Это было похоже на самодельную закладку. Но в библиотечных книгах не должно быть ничего лишнего. Любое постороннее вложение рано или поздно становится находкой. А иногда такая находка способна изменить весь ход событий.

Это был сложенный вчетверо листок бумаги, пожелтевший по сгибам настолько, что линии сгибов напоминали старые шрамы, с неровным, зубчатым краем, свидетельствующим о том, что листок был вырван из блокнота на пружине, причем вырван торопливо, небрежно, одним резким движением, без попытки сохранить аккуратность, что само по себе уже было любопытной деталью, на которую Алиса, с ее натренированной на мельчайших подробностях памятью, не могла не обратить внимания.

Она вытащила листок из книги с той осторожностью, с какой археолог извлекает из земли хрупкий артефакт, способный рассыпаться от неосторожного прикосновения, и, развернув его, поднесла ближе к свету настольной лампы, которая бросала на бумагу теплый желтоватый конус света, делая каждую букву рельефной, осязаемой, почти одушевленной.

Почерк, которым были написаны строки, оказался торопливым, мужским, с сильным, почти продавливающим бумагу нажимом, буквы прыгали по строке, налезали друг на друга, иногда сливались в неразборчивые комбинации, словно писавший спешил, боялся упустить мысль, боялся, что его прервут, и потому фиксировал обрывки идей, не заботясь о каллиграфии. Текст не был связным повествованием, не был письмом, не был даже конспектом — он представлял собой столбик обрывочных фраз, коротких, рваных, как удары пульса, фраз, которые, будучи прочитанными по отдельности, не значили почти ничего, но, сложенные вместе, начинали пульсировать зловещим, почти гипнотическим ритмом:

«Время: четверг, между 23:00 и 01:00. Камеры на лестнице не работают — проверить на этой неделе».

«Способ: лестничный пролет, удар по затылку. Имитация падения. Перила низкие, 92 см».

«Алиби: конференция, регистрация в 22:40, оставаться на виду до 23:15, потом уйти через боковую дверь кухни».

«Инструмент: ничего, что может быть идентифицировано. Перчатки — хлопок, сжечь после».

«Объект: один, привычка — возвращаться через парк после вечерних лекций. Маршрут: от корпуса Б к общежитию №4, через мост у пруда».

Алиса перечитала листок трижды, затем перевернула его, проверила обратную сторону, снова перевернула и прочитала еще раз, уже медленно, вдумчиво, проговаривая про себя каждое слово, словно пытаясь распробовать его на вкус, уловить оттенки смысла, спрятанные между строк, в паузах, в нажимах, в тех почти неуловимых вибрациях почерка, которые, как ее учили на занятиях по графологии, посещать которые не входило в ее программу, но которые она однажды посетила из чистого любопытства, могли рассказать о человеке больше, чем он сам готов был о себе поведать. Первой ее мыслью, разумеется, была мысль о том, что это

очередная чья-то шутка, глупый розыгрыш, набросок сценария для студенческого короткометражного фильма или фрагмент черновика начинающего графомана, решившего попробовать свои силы в жанре психологического триллера и забывшего свой опус в библиотечной книге.

Мало ли таких листков она находила за годы своей студенческой жизни — с любовными признаниями, написанными дрожащей рукой, со списками покупок, состоящими из пива, сигарет и лапши быстрого приготовления, с номерами телефонов, рядом с которыми стояли многочисленные псевдонимы, и даже, однажды, с подробной, снабженной схемами и пояснительными стрелками инструкцией по организации побега хомяка из лаборатории биологического факультета, который, как выяснилось позже, действительно сбежал и был найден только через неделю в вентиляционной шахте третьего этажа.

Но чем дольше Алиса всматривалась в неровные, нервные строки, тем сильнее ее внутренний камертон, тот самый безошибочный инструмент, который она выработала за месяцы работы с архивными аудиозаписями, где каждая пауза, каждый щелчок, каждый шорох могли нести в себе скрытый смысл, начинал звенеть тревожно и тонко, как камертон, ударяемый о поверхность, готовую вот-вот треснуть.

Слова «лестничный пролет», «удар по затылку», «имитация падения» были слишком конкретными, слишком профессиональными, слишком отточенными для того, чтобы быть плодом фантазии скусающего студента, решившего развлечься сочинением мрачных историй. Фраза «Перила низкие, 92 см» — откуда могла взяться такая точность?

Человек, придумывающий шутку, не стал бы измерять высоту перил, не стал бы записывать эту цифру, если только он не был дотошным сценаристом, одержимым правдоподобием деталей, но даже в этом случае подобная конкретика казалась излишней, нарочитой, перегружающей текст, который и без того производил впечатление не вымысла, а сухого, деловитого плана, составленного человеком, привыкшим думать о подобных вещах всерьез. Но если это действительно сценарий, то зачем тогда писать «сжечь после»?

Зачем указывать конкретный маршрут — «через мост у пруда» — если речь идет о вымышленном персонаже, чьи передвижения не обязаны соответствовать реальной географии университетского кампуса? Алиса знала этот маршрут до последнего поворота, до последней трещины в асфальте.

Этот маршрут вел от корпуса Б, где располагались аудитории юридического факультета, кафедра криминалистики и несколько лабораторий, вход в которые был ограничен, к общежитию №4, в котором жила она сама, и проходил через старый, деревянный мост у пруда, тот самый мост, чьи прогнившие доски прогибались под ногами с жалобным, протяжным скрипом, а чугунные фонари, установленные по обеим сторонам, не горели уже несколько месяцев, несмотря на многочисленные жалобы студентов, которые вынуждены были возвращаться домой в полной темноте, полагаясь лишь на свет далеких фонарей, пробивавшийся сквозь густые кроны деревьев.

Она подняла глаза от листка и оглядела читальный зал, который в этот час выглядел почти пустым, почти заброшенным, почти призрачным в своем тихом, сонном оцепенении. За соседним столом парень в больших наушниках, из-под которых доносился едва уловимый ритмичный шелест, беззвучно шевелил губами, переписывая конспект по анатомии, и его лицо, подсвеченное экраном ноутбука, казалось синеватым и неживым. У окна девушка с рыжими

волосами, собранными в небрежный пучок, спала, положив голову на горку книг, и ее дыхание было таким тихим и ровным, что казалось, будто она не спит, а просто притворяется, чтобы избежать разговора с кем-то невидимым.

Пожилая библиотекарьша Зоя Марковна, сторбившись за своей кафедрой, заполняла формуляры, время от времени поправляя сползающие на кончик носа очки с толстыми стеклами, и ее движения были такими механическими, такими отработанными за десятилетия службы, что напоминали движения заводной куклы. Никто не смотрел на Алису, никто не ждал, что она найдет этот листок, никто не следил за тем, как она разворачивает пожелтевшую бумагу и вчитывается в строки, от которых по спине у нее уже начинали бежать мурашки. Обычный вечер четверга в университетской библиотеке, пахнувший пылью, старой бумагой, сыростью осенних улиц и тем особенным, едва уловимым запахом, который появляется только в помещениях, где хранятся десятки тысяч книг, и который невозможно спутать ни с каким другим запахом на свете.

Алиса перевернула листок. Обратная сторона была чистой, девственно пустой, если не считать крошечного пятнышка в самом углу, похожего на след от капли кофе, пролившегося на бумагу и оставившего после себя неровный коричневатый ореол, который со временем впитался в волокна и стал почти незаметным.

Она поднесла бумагу ближе к лампе, изучая фактуру, направление волокон, характер желтизны, распространявшейся неравномерно, словно листок долгое время пролежал в книге, впитывая в себя запахи и микрочастицы старой типографской краски, и именно в этот момент заметила то, что ускользнуло от нее при первом, поверхностном прочтении. Под последней строкой, почти у самого края листка, там, где бумага была слегка смята и надорвана, было выведено одно-единственное слово, зачеркнутое двумя резкими, перекрестными линиями, но все еще различимое, все еще читаемое, если приглядеться достаточно внимательно: «Студентка». И ниже, совсем бледно, едва заметно, будто ручка начинала заканчиваться и последние капли чернил с трудом выходили из стержня, — «филфак».

Словно ледяная игла, тонкая и острая, кольнула ее в позвоночник, и холод от этого укола мгновенно распространился по всему телу, достигая кончиков пальцев. Филфак. Филологический факультет. Ее факультет. Факультет, на котором она училась уже четвертый год, который был ее домом, ее убежищем, ее миром, заполненным текстами, языками, смыслами и подтекстами. «Студентка» — зачеркнуто, но не уничтожено, не вымарано до неузнаваемости, а лишь перечеркнуто двумя линиями, словно автор листка колебался, хотел скрыть эту деталь, но не смог заставить себя сделать это до конца.

Это могло быть случайным совпадением, не более чем совпадением, и Алиса, как человек рациональный, как человек, привыкший работать с фактами, а не с домыслами, попыталась убедить себя в этом. В университете сотни, если не тысячи студентов филологического факультета, и все они, или почти все, время от времени возвращаются через парк к общежитию №4, потому что это кратчайший путь, и каждая из них могла бы, в принципе, стать объектом чьей-то больной фантазии. Но совпадение, умноженное на совпадение, начинало складываться в узор, который Алиса, с ее натренированной на расшифровки памятью, с ее способностью замечать то, что другие пропускают, не могла игнорировать, не могла отбросить как незначительное, не могла позволить себе забыть.

Она вспомнила, как месяц назад в архиве, в том самом пыльном, полутемном помещении с высокими стеллажами, где она проводила долгие часы, расшифровывая старые аудиозаписи, ей попалась кассета с записью судебного заседания сорокалетней давности. Обвиняемый, мужчина лет сорока, с глухим, монотонным голосом, отвечая на вопрос адвоката о преднамеренности его действий, произнес фразу, которая врезалась в память Алисы с той же неумолимостью, с какой звук врезается в виниловую пластинку. «Я не планировал ничего заранее, — сказал он, и в его голосе не было ни дрожи, ни пафоса, ни попытки разжалобить присяжных. — Все вышло само собой, понимаете? Просто в какой-то момент я понял, что уже знаю, как это сделать, и что никто не сможет меня остановить».

Алиса тогда перемотала пленку назад, подставила кассету под головку, отрегулировала скорость воспроизведения и прослушала фразу еще раз, пораженная тем, как обыденно, как буднично она прозвучала. В этом голосе не было ни раскаяния, ни страха, ни даже злобы — только холодная, отстраненная констатация факта, как если бы человек описывал технологию приготовления бутерброда. Теперь этот голос снова всплыл в ее сознании, наложившись на обрывочные строки, найденные в учебнике по криминалистике, и от этого наложения рождалось ощущение чего-то невыносимо знакомого, чего-то, что она уже слышала, видела, чувствовала, но не могла ухватить.

Она аккуратно сложила листок пополам, затем еще раз пополам, и убрала его в задний карман джинсов, чувствуя, как бумага хрустит под пальцами, как острые края сгибов впиваются в ладонь, словно напоминая о своем существовании. Затем вытащила из сумки свой потрепанный блокнот в темно-синей, почти черной обложке, тот самый блокнот, который был ее постоянным спутником, ее молчаливым конфидентом, ее способом взаимодействия с миром, исписанный вдоль и поперек, от первой страницы до последней, хотя до последней было еще далеко, раскрыла его на первой свободной странице и записала:

«16 октября, четверг. Библиотека, учебник по криминалистике. Листок: план убийства? Время: четверг, 23:00–01:00. Лестница, удар по затылку, имитация падения, перила 92 см. Алиби: конференция, уйти через кухню. Объект: студентка филфака, маршрут через парк, мост у пруда. Зачеркнуто: “Студентка”, “филфак”. Совпадение?»

Она перечитала запись, покусала колпачок ручки, затем добавила еще одну строку, дополняя мысль:

«Проверить камеры на лестнице в корпусе Б. Проверить, есть ли в четверг конференция. Проверить, кто последним брал учебник в библиотеке».

Часы на стене, те самые большие круглые часы с черными стрелками и римскими цифрами, которые висели над входом в читальный зал и отставали на четыре минуты, показывали 21:47. До закрытия библиотеки оставалось тринадцать минут, и Алиса прекрасно понимала, что должна сделать простое, разумное, очевидное: подойти к Зое Марковне, протянуть ей листок, рассказать, где и при каких обстоятельствах она его нашла, и забыть обо всем, вернувшись к своей обычной жизни, состоявшей из расшифровок старых пленок, лекций по структурализму, вечерних прогулок по парку, бесконечных списков дел в блокноте и горячего чая с лимоном перед сном. Но что-то удерживало ее на месте, какая-то невидимая, но прочная нить, привязавшая ее к этому листку, к этим словам, к этой находке.

Не страх — страх пришел позже, вместе с темнотой парка и скрипом моста. Скорее, это было то же самое чувство, то же самое почти физическое любопытство, которое заставляло ее часами вслушиваться в неразборчивые архивные записи, вылавливая из шипения и треска полустертые голоса людей, умерших десятилетия назад. Чувство, что за белым шумом, за хаосом случайностей, за пылью повседневности скрывается что-то важное, что-то, что никто другой не потрудится услышать, разглядеть, понять. И теперь это чувство, это интуитивное знание того, что она наткнулась на нечто большее, чем просто забытый кем-то листок, не позволяло ей встать из-за стола и пойти к выходу.

Алиса закрыла учебник, сунула его в стопку книг, подлежащих возврату, и начала собирать вещи, действуя нарочито медленно, словно оттягивая момент, когда придется покинуть безопасный, освещенный, пахнущий пылью мир библиотеки и выйти в темноту, которая уже поглотила университетский парк, аллеи, мост и все, что лежало за пределами желтых кругов фонарей. Зоя Марковна, не поднимая головы от формуляров, пробормотала что-то вежливое о доброй ночи, и Алиса ответила ей таким же неразборчивым, машинальным бормотанием, даже не уловив собственных слов.

Она вышла в вестибюль, натянула куртку, поправила на плече сумку, в которой лежали блокнот, найденный листок, телефон, наушники, пара старых аудиокассет, которые она должна была расшифровать к утру, и толкнула тяжелую входную дверь, которая поддавалась с низким, протяжным стоном, словно нехотя выпускала ее наружу.

Ночной воздух обжег щеки. Он был влажным, густым, пропитанным запахом прелых листьев, сырой земли и далекого дыма, который тянулся откуда-то со стороны частного сектора. От земли поднимался туман, медленно, неохотно, стелился по газонам, цеплялся за голые кусты, оплетал стволы деревьев, превращая знакомый до последнего камня пейзаж в нечто загадочное, фантазмагорическое, почти враждебное. Фонари вдоль аллеи горели через один, отбрасывая на асфальт дрожащие, размытые пятна света, в которых клубился туман, и эти пятна напоминали лужи ртути, разлитые по черной земле.

Алиса поежилась, застегнула куртку до самого подбородка и направилась к общежитию привычным маршрутом — через университетский парк, мимо корпуса Б, по мосту у пруда. Путь занимал минут пятнадцать, не больше, и она проделывала его сотни раз, в любое время года, в любую погоду, но сегодня каждый шорох листвы, каждый скрип ветки, каждый отдаленный звук, доносившийся из темноты, казался ей зловещим, многозначительным, наполненным угрозой, которую она не могла ни объяснить, ни прогнать. Листок в заднем кармане джинсов напоминал о себе при каждом шаге, будто впитывал тепло ее тела и отдавал его обратно холодом, распространявшимся по всему телу.

Парк встретил ее тишиной, той особенной, ватной тишиной, которая бывает только глубокой осенью, когда птицы уже улетели, насекомые исчезли до весны, а люди предпочитают не выходить на улицу без особой необходимости.

Днём здесь былолюдно, шумно, суетливо: студенты срезали путь между корпусами, преподаватели прогуливались с портфелями, набитыми бумагами, мамы с колясками сидели на лавочках у пруда, кормили уток, обсуждали последние новости. Сейчас же аллея была пуста, абсолютно, неестественно пуста, и лишь вдалеке, у самого моста, где аллея делала пологий изгиб и терялась в зарослях ивняка, темнел неподвижный силуэт человека. Алиса замедлила

шаг, инстинктивно нащупала в сумке телефон, но не вытащила его, а лишь сжала в руке, готовая в любой момент набрать номер.

Силуэт был неподвижен, как изваяние. Мужчина? Женщина? В полумраке, в этом призрачном свете далеких фонарей, разобрать было невозможно. Человек стоял, слегка наклонившись, словно разглядывал что-то под ногами, что-то, находившееся у самого края воды.

Она шла и смотрела, не отрываясь, боясь упустить малейшее движение, малейший признак того, что человек заметил ее присутствие. Расстояние между ними сокращалось с каждым шагом. Двести метров, сто пятьдесят, сто. Когда до моста оставалось метров двадцать, человек вдруг выпрямился, отступил на шаг от края и поднял с земли лопату — самую обычную садовую лопату с коротким черенком, какие продаются в любом хозяйственном магазине и стоят сущие копейки. Алиса остановилась, чувствуя, как внутри все сжимается в тугий узел.

Человек держал лопату уверенно, привычно, так, как держат инструмент, которым пользовались много раз. Он оглянулся по сторонам — и Алиса, сама не понимая, что делает, отступила в тень раскидистого куста, слившись с ветвями, став частью ночного пейзажа, частью темноты, которую никто не потрудится разглядывать. Сердце забилося где-то в горле, гулко, неровно, отдаваясь в ушах. В этот момент фонарь на мосту, тот самый, что не горел уже несколько месяцев, вдруг вспыхнул, мигнул, словно раздумывая, стоит ли ему разгораться, и залил пространство вокруг моста неровным, желтоватым светом, в котором все предметы приобрели резкие, почти графические очертания.

Теперь она видела его отчетливо. Мужчина, лет тридцати пяти — сорока, невысокий, но плотный, коренастый, в темной куртке с капюшоном, натянутым на голову так глубоко, что лица почти не было видно, и темных брюках, заправленных в высокие ботинки. На руках — тканевые перчатки. Белые, хлопковые, такие, какие используют рабочие на стройке или криминалисты, заметающие следы. В нескольких метрах от него, у самого края воды, там, где земля была особенно влажной и податливой, зияла неглубокая яма, аккуратно вырытая у корней старой ивы, той самой ивы, чьи длинные, гибкие ветви свисали до самой земли, создавая вокруг своего ствола естественный шатер, скрывающий от посторонних глаз все, что происходило под ним. Рядом с ямой лежало что-то бесформенное, завернутое в темную ткань или плотный полиэтилен, и это что-то имело размеры небольшой картонной коробки из-под обуви.

Мужчина наклонился, поднял сверток — Алиса видела, как напряглись его руки, как он перенес вес тела на левую ногу, — и опустил его в яму с той бережностью, с какой опускают в могилу нечто одновременно хрупкое и страшное. Затем он заработал лопатой, быстро, ритмично, засыпая яму землей, и каждый удар лопаты о землю отдавался в ушах Алисы глухим, утробным стуком, похожим на удары сердца.

Алиса стояла, окаменев. Ей следовало уйти. Ей следовало бежать, не оглядываясь, выскочить из парка, позвонить в полицию, сделать что угодно, только не стоять здесь, в кустах, глядя, как незнакомец закапывает что-то в университетском парке, в пятистах метрах от общежития, в котором она жила, в ста метрах от тропинки, по которой она ходила каждый день. Но ноги словно приросли к земле, налились свинцом, перестали слушаться.

Она смотрела на его движения, на то, как спокойно и методично он разравнивает землю, как притаптывает ее ногой, как затем наклоняется и прикрывает свежий холмик опавшими листьями, рассыпая их в художественном беспорядке, который, на первый взгляд, ничем не

отличался от естественного ковра листвы, покрывавшего весь парк. Опытной рукой. Так, будто делал это уже не раз. Так, будто для него это было не преступление, а обычная, рутинная работа, которую нужно выполнить быстро и качественно.

Закончив, мужчина выпрямился, отряхнул перчатки друг о друга, и этот жест, такой обыденный, такой бытовой, показался Алисе самым страшным из всего, что она видела за последние полчаса. Он подхватил лопату и огляделся, внимательно, неторопливо, как оглядывается человек, который знает, что за ним наблюдают, но не может определить, откуда именно. Его взгляд скользнул по кустам, по аллее, по мосту, на мгновение задержался на том месте, где стояла Алиса, — и она увидела его лицо. Обычное, ничем не примечательное, с плотно сжатыми губами, глубокими складками вокруг рта, тяжелыми веками и темными, почти черными глазами, которые в неверном свете фонаря казались двумя бездонными провалами.

Он не заметил ее — или сделал вид, что не заметил, что было еще страшнее, потому что в таком случае он сознательно решил оставить ее в живых, свидетеля, который не должен был существовать. Затем он повернулся и пошел прочь, в сторону корпуса Б, неся лопату на плече, как несут знамя, и его фигура, постепенно уменьшаясь, растворилась в темноте, оставив после себя лишь запах свежей земли и едва уловимый след на мокрой траве.

Алиса выждала, пока его шаги не стихли, и выдохнула. Ноги подкашивались, и она опустилась на корточки, прижалась спиной к стволу куста и несколько минут сидела так, слушая собственное дыхание, которое постепенно выравнивалось, но так и не стало ровным до конца. Перед глазами стояла картина: белые перчатки, методичные движения, свежий холмик, прикрытый листьями, и лопата, покачивающаяся на плече уходящего человека. И слова, найденные час назад в учебнике: «Перчатки — хлопок, сжечь после».

Она медленно поднялась и, повинувшись какому-то необъяснимому импульсу, одновременно пугающему и непреодолимому, подошла к тому месту, где только что работал незнакомец. Земля под ногами была влажной и рыхлой, пропитанной ночной сыростью, и каждый шаг оставлял в ней глубокий след. В воздухе пахло сыростью, прелыми листьями и чем-то еще, чем-то едва уловимым, сладковатым и тошнотворным одновременно, что Алиса не могла идентифицировать, но что заставило ее желудок сжаться в холодный комок.

Она опустилась на корточки у холмика, протянула руку и осторожно, словно прикасаясь к чему-то ядовитому, отодвинула несколько листьев. Земля была свежей, темной, с вкраплениями мелких корешков и камешков. Рядом, наполовину втоптанная в грязь, валялась пуговица. Маленькая, перламутровая, с двумя аккуратными дырочками, через которые были продеты остатки белой нити. Алиса подняла ее, поднесла к свету, и пуговица вспыхнула в луче фонаря холодным, перламутровым блеском, переливающимся всеми цветами радуги. Она не была похожа на мужскую — слишком изящная, слишком изысканная, явно от женской блузки или кофты, возможно, от той самой, которую носила какая-то студентка, возвращавшаяся вечером через парк к общежитию №4.

Она спрятала пуговицу в нагрудный карман куртки, рядом с блокнотом, и достала телефон. Время на экране показывало 22:34. Алиса открыла приложение с картой, отметила геолокацию, сделала скриншот и несколько фотографий места, стараясь не использовать вспышку, чтобы не привлекать внимание случайных прохожих, которых, впрочем, в парке не было. Снимки получались темными, почти неразличимыми, на них угадывались лишь смутные контуры ивы, берега и моста, но ей было нужно не качество, а фиксация факта, подтверждение

того, что она действительно была здесь, действительно видела то, что видела. Затем она вытащила блокнот и, стоя над холмиком, записала, сверяясь с картой:

«22:34. Университетский парк, восточный берег пруда, 15 метров от моста, под старой ивой. Мужчина, т/м 35–40, рост ок. 172–175, темная куртка с капюшоном, белые х/б перчатки. Закапывал сверток (размер коробки из-под обуви), обернутый в темный полиэтилен. Действия уверенные, методичные. Лопата садовая, короткий черенок. Направление ухода — к корпусу Б. Пуговица перламутровая, женская, найдена у свежей земли».

Она остановилась и, поколебавшись, добавила:

«Совпадает с листком: перчатки, место, время, объект. Началось».

Последнее слово она подчеркнула двумя чертами, как подчеркивала все, что казалось ей важным, значимым, заслуживающим особого внимания. Потом убрала блокнот, подняла воротник куртки и, не оглядываясь, пошла к общежитию. Шла быстро, но не бежала, понимая, что бег в темном парке привлек бы больше внимания, чем спокойная ходьба.

В кулаке она сжимала телефон с набранным номером службы спасения, оставалось только нажать кнопку вызова, но она не нажала. Что она скажет? «Я видела, как человек закапывал что-то в парке»? Это не преступление, во всяком случае, не доказанное преступление. «Я нашла листок с планом убийства»? Это не доказательство, а лишь обрывок бумаги, который мог быть написан кем угодно и по какому угодно поводу. «У меня плохое предчувствие»? Этого недостаточно, этого никогда не бывает достаточно. Нужно больше. Нужны факты, детали, связь между листком и тем, что она видела, между словами и действиями, между планом и его исполнением. Алиса не доверяла предчувствиям — только записям, только фактам, только цепочкам, которые можно проследить до конца, до самого последнего звена.

Уже в комнате, заперев дверь на щеколду и задернув шторы так плотно, что ни один луч света не мог проникнуть снаружи, она села за стол, разложила перед собой блокнот и найденный листок, прижала их ладонями, словно боясь, что они исчезнут, растворятся в воздухе, как мираж. Настольная лампа отбрасывала круг света, в котором эти два предмета казались частями одного пазла, и Алиса, глядя на них, чувствовала, как внутри нее что-то щелкает, встает на место, запускает некий невидимый механизм, который уже невозможно остановить. Она взяла ручку и начала писать. Это была не просто запись.

Это был план. Список того, что нужно выяснить, проверить, установить. Кто владелец учебника? Кто последним брал его в библиотеке? Есть ли в четверг конференция? Где расположены камеры и действительно ли они не работают? Кто мог носить перламутровые пуговицы? Что за сверток был зарыт у пруда и почему он был таким маленьким? Пункт за пунктом, строка за строкой, она выстраивала систему из обрывков, которые пока не складывались в целое, но уже начинали вырисовываться, как контуры фигуры, проступающие из тумана.

Она писала до глубокой ночи. За окном шумел дождь, который начался незаметно, исподволь, и теперь стучал по стеклу, стекая вниз мутными ручейками, искажая очертания деревьев и фонарей, превращая мир за окном в размытую акварель. В соседней комнате что-то упало, слышались приглушенные голоса, смех, потом все стихло. Алиса не слышала.

Она была уже не здесь — она шла по следу, который, возможно, никуда не вел, но который она уже не могла оставить, не могла бросить, не могла сделать вид, что его не существует. Где-то между строк, между «проверить формуляр» и «определить тип полиэтилена», она чувствовала, как внутри нее разрастается холодное, ясное, почти кристальное ощущение: то, что она увидела сегодня, — не конец. Это только начало. Начало чего-то темного, медленно выползающего из-под земли, прикрытого листьями и забвением. Начало, которое она, Алиса Вернер, филолог с феноменальной памятью и блокнотом, полным деталей, встретила лицом к лицу.

Последней записью в ту ночь стала фраза, выведенная аккуратным, почти каллиграфическим почерком в самом низу страницы, под длинным списком вопросов и предположений:

«Если это план убийства, то кто его автор? И кто — жертва?»

Алиса отложила ручку, закрыла блокнот, погасила лампу и легла в постель, не раздеваясь, накрывшись одеялом до подбородка. В темноте комнаты, наполненной шумом дождя, она лежала с открытыми глазами и слушала, как где-то далеко, в глубине парка, ветер тревожит воду, как капли дождя падают на листья, как под корнями старой ивы оседает земля, принявшая в себя чью-то тайну, и как эта тайна, зарытая в землю, начинает жить своей собственной, невидимой жизнью, прорастая в темноте, как семя, которое однажды даст всходы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.